

Уже вторую зиму Вера разносит почту по трем маленьким поселкам. Расположены они совсем недалеко друг от друга — в одном километре все. В поселке, где находится почта и живет Вера со своей старенькой матерью, добросовестно, день и ночь работает лесопильный завод. А в двух других, совсем крохотных, по три барака в каждом, живут геологи. Они что-то ищут в ближней тайге, но не могут найти. И Вера в душе жалеет этих бородатых людей, шумливых и немного грубоватых.

Петр ПИМАКОВ

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

РАССКАЗ

На спуске к поселку лес кончился и показались бараки — двухквартирные, низкие, с плотными снеговыми завесами на крышах. Вера издала распознала Матрону Тимофеевну, жену одного из геологов. Женщина сняла с веревки промерзшую белье, складывала его на снег. До Веры донесся металлический звон мерзлого белья, и от него стало еще холоднее. Но радовалось, что Матрена Тимофеевна будет счастлива письму, затащит Веру в теплую комнату, напоит горячим чаем, настоенным на крепкой душичке, и выставит на стол в хрустальной вазе голубику, прокрученную на мясорубке, с сахаром.

Женщина увидела Веру, замерла на мгновение, всплеснула руками и зашагала навстречу.

— Голубушка, милая, забыла ли нет. Пошли, пошли в избу. Морозока-то какой ноне вдарил.

Матрена Тимофеевна включила лампу, поставила чайник. Вскоре на столе задымился чай в больших фарфоровых чашках, появились неизменное варенье из голубики.

— Пей, Верочка. Отогревайся, милая. И зачем шла из-за одного письма? С кем бы ты переслала. Успелось бы.

Но, говоря такое, она не могла упрятать своей радости и нетерпения. И Вера это понимала. Она дотянулась до сумки, достала конверт в противула его Матрене Тимофеевне.

— Опять вам от дочки, из Иркутска.

— От Галочки. От нее. От кого и может быть?

Хозяйка ушла в комнату, вернулась с кожанницей, надрезала край конверта, вытащила из него тетрадный листок, исписанный мелким почерком, заглянула в кустой конверт, как-то виновато взглянула на Веру и стала читать.

Вера прихлебывала чай из чашки, прислушивалась к тихому будильнику из другой комнаты, поглядывала на хозяйку и думала о той девушке-студентке, что приходилась дочерью

этой женщине. Думала и немного завидовала ей. Самой Вере учиться ехать нельзя. Мать часто хворает. Неудач у нее давнишней. С войны. Отца Вера не помнит. Его взяли на фронт, когда она была еще грудной. Погиб в конце войны. С того времени и надломилось здоровье матери. И никогда Вера не оставит мать одну. Она для нее самый дорогой человек. Учиться бы, конечно, надо. Пджалуй, летом отправят документы в техникум связи. Только на выходные отлучена.

— Да это что ж получается? А?

Матрена Тимофеевна сокрушенно опустила на стул, тяжело опустила руки на колени. Вера испуганно ахнула глаза, оторвалась от своих мыслей: неужто есть нераздающаяся?

— Собирается замуж... Женщина не то чтобы сердилась, а больше всего растерялась.

— От судьбы и от любви не уйдешь, — только и нашлась что сказать Вера, и то потому, что часто слышала эту фразу от заведующей почтой Валентины Ивановны. Матрена Тимофеевна ничего не ответила. Сидела задумчивой и печальной. Глаза навлажнели.

Вера засобиравалась. Она знала себя и боялась, что если та заплачет, то и сама не выдержит, разревется. Да и время не жлет. Надо еще дойти до поселка Вершинка и снести телеграмму Климову Федору Сергеевичу. Туда и хольбы с полчасца, но домой нужно вернуться засветло...

Мороз окрепчал. Ресницами сразу же опушились-инеем, заслезнились глаза. Вера закрыла лицо руками и прибавила шагу. Снег под ногами коротко и резко взвизгивал. Небо было по-прежнему низким, хмурым и скучным.

Привыкнув к морозу, Вера пошла тише.

«Интересно получается в жизни, — думала она. — Люди живут в разных концах земли, а знают друг о друге многое. И все это через посредство писем». И она, Вера Мелихова, среди них словно бы связанной. Связывает невидимые нити этих жизней. Принесет она радость в дом, и самой становится хорошо.

Поселок Вершинка виден издавна. Три барака выстроены в один ряд, с телевизионными антеннами на крышах. Снегу у бараков немного, ровная широкая площадка. За поселком хозяйственные постройки: склады, гаражи, мастерские. Вера поднялась по широкому низкому крыльцу и постучала в дверь. Ей откликнулись. Она вошла в комнату.

Климов так же что вернулся из тайги и сел на ужины.

— Чем порадуешь, Вера? — Климов отступил перед девушкой, пропуская ее в передний угол. Климов высокий, широкий в плечах, с коричневой извитой бородкой. Лицо широкое, улыбающееся. Глаза веселые под густыми, желтыми бровями. На правой щеке синеватый шрам. Он словно прилеплен.

— Телеграмму принесла. Вот. Распишите. — Вера положила на стол тетрадку и показала, где надо расписаться.

— Добре-добрее... Мы это просто. Вот так. И увековечена фамилия Климова. Посмотрим... На!

Побагровел шрам на щеке, нисполз вверх, замер и на место опустился. Вера сжалась всем телом. Застучало сердце, глаза зажгло. И почему она, Вера, такая чувствительная к горю какого человека? Нельзя же все принимать близко к сердцу...

Но что это? Пол ушел из-под ног, и она очутилась под самым потолком. Открыла глаза, а внизу перед ней бородатое лицо Климова. Смеется во весь рот и кричит.

— Да знаешь, что ты мне принесла?! Радость стопудую! Радости! Сына! Сына!

Климов опустил Веру на пол, закружился по комнате вразвалку, неуклюже, ну что тебе медведь. Вера не выдержала, засмеялась.

— Ты скажи, Вер, это много или мало: три семьсот? Ну, конечно же, много! Богатырь! Иди ты, три семьсот!

Климов остановился среди комнаты, взглянул на телеграмму и с тревогой спросил:

— А вот как назвать, мы и не стоваривались с Таней... Как думаешь?

— Мне Сережки нравятся, — сразу же ответила Вера.

— Сережа? Сергей? Сергунька? Сергей Федорович? А что, звучит? Ну, будь по-твоему. А сейчас шампанского выпьем.

— Не-ет, я не пью и домой надо торопиться.

— Домой? Торопиться? Да что бы ты ходила?

Климов подбежал к телефону, снял трубку, крутнул ручку и закричал:

— Пашка? Так вот слушай ты, дубина стоеросовая: на нашей великой земле родился еще один человек. Да, еще одним человеком пополнилась наша земля! Сергей Федорович Климов! А теперь мой приказ слушай: немедленно заводи свою «амебу» и ко мне. Доставишь домой Веру. Да, она...

Климов бросил трубку на рычаг и достал из шкафа шампанское. Отрыл с треском пробку и валил в стакан.

— За Сергея Федоровича, Вера! И вообще, за всех людей на земле!

В дверях показался Пашка в распахнутом полушубке, с распростертыми объятиями. Он улыбался и, казалось, был счастливее самого Климова.

// Ленинский шахтёр, 1973, 22 декабря, с. 3.

— В Т П И Н И Ж С Ж Р П Г Н Т

Р П

К И Т Б В И С Д Т М

П И Л Р Т В

П В О В Л Р

Ч У Г П И О Д Т П